

Оклеветанная жена

Жили два именитые купца; у одного было два сына, у другого один. Торговали они хорошо, робята стали на возрасте; переженили они их, и вышло между их неудовольствие, стали они делиться. Разделились. Стали всяк себе торговать (отцы-то). У того, у которого был один сын, стал парень на возрасте, и стали искать за него невесту. Найдут девушку — матери хороша, отцу не хороша; отец найдет невесту — жениху не кажется. Запрет молодец себе лошадку и поехал версты на три, на четыре от своо жительствова, в воскресный день к обедне; не обедню постоять, а невесту себе посмотреть. Подъехал к цёркови, и идет красная девица, несет ведро водицы. Он взглянул на нее и прельстился. «Дай испить мне водицы, красная девица!» Девица остановилась и дала водицы испить. Он водицы испил, поблагодарил девицу и вынимает ей деньги. Девица не берет. Он взял да вслед ей и бросил. Девица ведра отнесла и думает себе: «А что я, глупая, деньги не взяла?» Воротилась и взяла их. Дома сказывает: «Вот деньги нашла!» После обедни купеческий сын пошел сватать и усватал. Поехал до двора, приезжает домой. Отец с матерью его спрашивают: «Где был, сыночек?» — «У батюшки хрёстного чайку испил». На другой раз опять пошел. Приехал к своей невесте и говорит: «В это время будь готова!» Дали ей казны, сготовили сватьбу. Приехал он домой. «Нынче бы надо, — говорит, — за невестой собираться!» Отец сейчас вдруг схватил и умер. Невеста родных созвала; нынче ждать, завтра ждать: жениха нет. Сделал сын по отце поминочки. Прошло шесть недель, он поехал к невесте. Невеста больна лежит. «Ты, — говорит, — надо мной надсмеялся». Жених отвечает тестю с тещей: «Нареченный мой батюшка-тесть и матушка-теща, несчастье у меня случилось: батюшка помер. За утро опять нас ждите, приедем и невесту увезем». Приезжает купеческий сын домой: мать померла. Поплакал, поплакал, опять не до свадьбы дело: стал мать коронить. Через шесть недель опять к невесте поехал, взял ее и увез. Обвенчались и гулять начали, и некогда ему было сродников собирать. Стали поживать и стали больше того торговать. Молодая жена и говорит ему: «Пойдем, я погляжу на твое заведение». Он много прикащиков держал. Они все товары распродали, без дела гуляют, лавки заперли: торговать нечем. Приходит к нему батюшка крестный. «А что, сыночек, на што у тебя прикащикам гулять? Надо товару добывать!» Отвечает купеческий сын: «Я, батюшка, человек млад, а с казной что делать не знаю». — «Возьми

прикащика с собой, а то брата двоюродного попроси». Призвал он брата: «Пойдем, — говорит, — в Нижний за товаром!» — «Пожалуй, пойдем». Позвал его в гости, чайком угостил, графынчик водки выпили. Говорит ему двоюродный брат: «А дава-ка, брат, еще графынчик!» Купеческий сын пошел за водочкой; двоюродный брат сидит с молодницей, чаек попивает. Он с ней поиграл, за титечки е трепал; ей эта игра не показалась, она его в беремя сохватила и в дверь вытолкала. Ему стало совестно, он и ушел. Купеческий сын говорит: «Братец, погоди!» А тому совестно стало: «Хмелён, — говорит, — я; на утро приду!» Вот она с этого разу сделалась больна и не может ног таскать и головы поднять. Он и так и сяк ее, а она все больна. Просит ворожейку. Была тут старуха-большое брюхо, а двоюродный брат сказал старухе: «Поди узнай, что у нее на теле есть!» А у ней были две приметы: на правом плече была родина, да на левой бедре по пяти пальцев (оттиск). «Снимешь старуха с нее подвенечный перстень, буду тебя до жизни-веку поить и кормить». Приходит старуха к молоднице. «Знать ты больна?» — «Нездорова. Не знашь ли чем полечить?» — «Надо тебе баньку истопить, в теплую воду положить». Купеческий сын говорит: «Служанки, истопите баню!» Те истопили. Пошли они в нее. Стала старуха мыть и править, приговаривать и парить. «Нет ли на тебе чего серебряного? Скинь!» Она перстень скинула, положила на лавочку и крепко заснула. Старуха взяла перстенёк, проводила молодницу домой; стало ей полегче и выздоровела. Брат двоюродный и спрашивает у баушки: «Что дозналась что ли какие на теле приметы?» — «На правом плече родина, да на левой бедре по пяти пáльцев, а вот тебе и перстень!» Молодица хватилась перстня и говорит мужу: «Подвенечный-то перстень я в бане оставила!» Пошли в баню, не нашли. Купеческий сын и говорит: «Поеду в Нижний, лучше того куплю, только бы ты была жива». Пропал перстень (Перстень-то не пропал, а он нá руки напал). Собрались они с двоюродным братом ехать, товару покупать, а двоюродный-то едет не товару покупать, а его разорять. Вот впрягли и поехали. Недалеко отъехали, явились в другой город. Взошли они в трактир, селяночку заказали, бутылочку выпивали, да и другú покупали. А ведь хорошо тому водку пить, кто разуму не пропиват; а они разум-то и потеряли: водки напильсь да раздрались. Меньшой-то брат и говорит: «А, братец, сердце у меня болит!» А большой-то говорит: «Об чем оно у тебя болит? Чай об деревенщине скучился, о б...и-то, об жене о своей?» Тут дело было при канпании, при хороших людях, при дворянах, при купцах. Дворяне и купцы говорят: «Как ты можешь чужую жену б...ю назвать?» — «Она мне б...ь!» Муж и говорит: «Послушайте, честные господа, может ли что он у нее на теле знать? Когда она ему б...ь, так пускай расскажет, какие

у ней на теле родины! Лишаюсь всего имения и всей своей жизни! Расскажи!» Двоюродный брат говорит: «Извольте, я всю правду, господа, вам расскажу, что она мне действительно б...ь: на правом плече у ней пять пальцев родина, да на левой бедре; перстень подвенечный ее у меня, и подарила его мне она же, а своему мужу сказала, что потерян в бане». Тут их руки разняли и у молодца все обобрали.

Добрый молодец приезжает домой, не говоря жене слов. «Пойдем», — говорит. «А куды пойдем?» — «А куды глаза глядят. Ничего ты не узнаешь!» Посадил и поехал. Ехал лесом день и два, не пимши, не емши; ехал неделю и две, и уехал Бог его знает куды, во дремучие леса, ни выдти, ни выехать. «Прощай жена! — говорит, — ты мне не жена, я тебе не муж; ты куды знаешь иди, а я куды знаю пойду».

И ходила жена по дремучим лесам, по крутым по горам, плакала и рыдала, горя много принимала, платком слезы утирала, в дремучем лесу темные ночи не сыпала. Выходила женка на чистое поле, на дикую степь, на незнаемую; ничего на ней не видно, только старичек стадо пасет. Приходит она к дедушке, говорит со слезами: «Родимый дедушка, будь мне родной батюшка, обмени мне одежду свою, не стыдись. Скидай одежду мою надевай на себя, а мне свою давай и подстриги меня по-мужскому». Старик снял с нее одёжу и надел на нее свою и в кружало подстриг. Пошла она в город. Такой бравый из нее молодец стал, что не вздумать, не взгадать и пером не написать. Приходит мальчик в трактир и говорит: «А подай-ка селяночку!» — «А какую же тебе?» — «Да хоть на сковороде в воде; да водки графинчик подай!» Трактирщик всего подал; молодец пьет и закусават. «Ну-ка, хозяин, пожалуй-ко мне игроков!» Подходят игроки; стали играть, она начала плясать. Сама пляшет, рукой машет, приговаривает: «Эх, горе ты, горе мое, а кручина-то моя в темном лесу долго была!» Взяла скрипку, зачала играть. По ее игре никто плясать не может. Хозяин прельстился и спрашивает: «Чей, молодец, такой?» — «Я — бродяга». — «Наймись ко мне в трактир?» — «Пожалуй». — «Сколько в месяц возьмешь?» — «Сколько дадите». И остался он тут жить. Жил неделю и две, приезжает из полка отставной полковник; заехал в трактир погулять, трактирщика повидать, игроков послушать. «Давай, трактирщик, хороших игроков и плясунов!» Хозяин подставляет первым присталаго молодца. «Хорошо играет, еще лучше того пляшет; плясать хорош, из лица лучше того пригож!» И прельстился отставной полковник на него и спрашивает: «Чей? Откуда такой?» — «Я — бродяга!» — «Поди ко мне в деньщики: я тебя до дела доведу!» — «Хорошо», — говорит. Требуется полковник трактирщика:

«Поди сюда! Сколько за обед и за плясунов?» — «Двадцать пять рублей». Полковник деньги вынимал, трактирщику отдавал: «Чей мальчик у тебя?» Он туды-сюды: не знат как сказать. «Давай-ка билет!» Хозяин говорит: «Он бродяга». Полковник призвал мальчика. «Пойдем со мной». — «Пойдемте». — «А сколько время здесь проживаешь?» — «Столько-то». — «Сколько за работу платили?» — «Ни копейки». — «Поди-ка, хозяин, сюда! Разделайте мальчика! За какую он цену жил?» — «Без ряды». — «Сколько ты, мальчик, хочешь?» — «Сколько пожалует хозяин». — «Бери двадцать пять рублей». Мальчик получил денежки и уехал в полк. Привез его полковник, назвал его юнкарем, отдал под крепкое ученье. Так она крепко училась, старалась, год поучилась — произвели ее в ундеры; через скорое время — в фетьфебели и дальше и больше, чин за чином, и через семь лет дослужилась до полковника. Над полковниками был полковник! При смотре царском ни один полк так честь не отдавал, как ее полк. Она подает к царю лично прошение, чтобы отпустить ее на три месяца в отпуск. Было это дело осенним вре́мем, как молодых иекрутов приняли. Царь прошение ее не принял, отослал назад. «Тогда тебя уволю, когда набор примешь!» Приняли набор, новобраных солдат пригнали и стали разделять по полкам. Расставили молодых солдат в ширинку. Полковники ходят и разбирают и по росту, и по лицу — кого куды. Полковник увидал своего мужа, который в лес ее завез. Он в охотники нанялся, только по росту и виду в ее полк не попал. Стал полковник просить, чтобы его к нему в полк перевели. Его перевели. Как он поступил, так он сейчас его к себе в деньщики взял и приказал учить его как можно строже и на каждую ночь к нему в ночные приходите. День — на ученьи, ночь — к полковнику. Входит в его комнату при всей своей ночной амуни́це; тот его принимает, муни́цу с него скидает, наливает стакан водки и дает ему плюху, и спать велит. На утро приходит на ученье, товарищи и спрашивают: «Что ты у него делал?» — «Ничего не делал: стакан водки выпил, закуски дал да большую плюху, — говорит, — больно закатил». И день, и два так он делал, и с неделю. Полковник (она-то, стало быть) подает лично царю просьбу, что желательно съездить на побывку. Царь уболаготворяет его на побывку, на три месяца. Он нанимает тройку ямских лошадей и берет своего мужа в деньщики. Поехали в са́мо то место, отколь оба. Приезжают в город, прямо к губернатору. «Дайте на три месяца нам фатэру!» На нем одежда как жар горит: при форме, палёты и прочее. «Где же вам фатэру?» Полковник показывает на свой дом, а в нем жил двоюродный брат ее. Велел полковник выслать из него всех, чтобы ни души не было. Заехали на кварта́ру, наняли отставных солдат сторожо́в, чтобы никто не мог близко ко двору подойти. На утро является губернатор. «А что,

господин губернатор, сберите старичков, которые постарше, чья эта квартира?» Кто ей прежде был хозяин?» Губернатор созвал всех старёлых людей. Прошло дела ведь двадцать пять лет, того прежнего губернатора давно нет. И стал полковник стариков выпрашивать: «А что, где этому дому хозяйвы? Кем он устроен?» — «Вот таковым-то, — говорят, — купцом». — «А де же купец?» — «Помер». — «Кто же после его остался?» — «Сын его». — «А сын его где?» — «Он женился да и пропал». — «По какому случаю?» — «Да он в Нижний на ярманку поехал с двоюродным братом, да заехал в трактир погулять; немножко погуляли да много наговня́ли: он именье-то свое и прогулял тут». — «Хоть он и много наговнял, все же дайте мне знать, с кем он гулял». Старики отвечают: «Призовите его двоюродного брата и спросите!» Призвали брата, стали спрашивать: «По какому случаю ты в его доме живешь?» — «Проспорил он мне его». Все дело полковник разузнал, на бумагу записал и в путь-дорожку собрался, на царскую службу. Приезжает; прослужил трое сутки, подает царю лично просьбу: «Не хочу служить, а пожалуйста мне отставку». Сам царь лично приехал, на лицо к себе призывал и стал спрашивать его: «Что мне не служишь?» Полковник говорит ему: «Послужил, да и будет, а теперича не хочу!» Царь ему и говорит: «Я с тебя голову сыму, а в отпуск не отпущу!» — «Не могу служить, ваше величество!» — «Отчего?» — «Я — женщина». Царь этому делу удивился. Полковник, не стыдясь его, солдатскую одёжу скидал и свои груди ему показал. Царь наградил ее великим награждением и велел отправить ее от этого места куда надо, на почтовых. Полковник попросил себе на дорогу деньщика. Царь говорит: «Любого бери!»

Она любых не выбирала, а своего мужа только доставала. Взяла его; наняли почтовых, сели да и поехали. Приехали домой, пришли к губернатору, чтобы он велел чужих людей из дому выслать. Тот велел. Стали они в своем доме жить да поживать. Приходит вечерок; она велела деньщику коней убрать и в комнату идти. Он идет и опасается: «Ах, как будто так не ладно! Мотри, опять будет плюхами кормить». Призвалá его к себе, окошки закрыли и дверь заперли. Поставил полковник самоварчик, налил полковник графынь водочки. «Ну-ка, садись, деньщик, выпьем!» Деньщик не садится: крепко боится. «Топерь не в полку: бить-то не буду, мы с тобой дома: отставные». Сели, стали чаек кушать. «Перед чаем плохой, — говорит, — дворянишка и то водочки выпивает». По стаканчику выпили, да по другому, да и по третьему выпили. Полковник и говорит: «А что, деньщик, чей ты, откуда?» Деньщик думает себе: «Как бы ему сказать?» (Он хорошо знает, да рассказать не смеет, что домой приехал). «Я — здешний». — «Чай знашь чей это домик?» Деньщик затылок почесал и в носу пальцем

пошевырял. «Это дом мой». — «На что ты его промотал?» — «Я поехал в Нижний на ярманку за товаром с двоюродным братом; заехал в трактир...» И рассказал ему все. «А жена у тебя где?» — «А Бог ее знат! Я завез ее в лес дремучий и бросил. Я думаю давно и живой нет». — «Зачем в лес завез?» — «От совести людей, — говорит. «А сам куды пошел?» — «Я шлялся и в охотники нанялся». — «А чать тебе ее несколько жалко?» — «Когда же не жалко». — «Чай бы ты ее узнал». — «В лицо не знай узнаю ли, а по приметам узнал бы». Скинул полковник с себя всю одежду и нагишем остался. Оборотился к нему спиной; «Погляди-ка, я не жена ли твоя?» Он посмотрел у ней на спине приметы-то все, а спереди-то не переродилось. «Ну что, жена я твоя иль нет?» — «По родинам жена». — «Садись: давай топерь водку пить, да по-прежнему друг дружку любить!» Водочки напились и на постельку забрались; поцеловались да обнялось. Проспамши темную ночь, дожили до светлого дня и отправились к губернатору, чтобы собрал величающую сходку. Не успели этого дела закончить, от царя указ поступает губернатору, что кто жил в эфтим доме до третьего колена решить их жизни. Полковник одёжу скинул и на мужа надел. И стал он отставной полковник, а она бабой осталась. Я ее видел вот недавно: как жать ездил, так пить заходил.

(Абрам Новопольцев)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.